

Вокруг царил непроглядный, густой туман. Как Бай Цинюнь ни вглядывался, разлепить тьму не удавалось — взор упирался в молочно-белую пелену, сквозь которую лишь изредка проступали смутные, размытые силуэты.

Ещё мгновение назад он наслаждался музыкой и танцами на пиршестве барышни Ялин, а стоит зажмуриться — и на тебе, очнулся неизвестно где. К тому же этот туман... Бай Цинюнь глубоко вдохнул, и в ноздри ударил тонкий, едва уловимый аромат.

Осознав положение, в котором оказался, Цинюнь закрыл лицо руками — от досады хотелось биться головой о стену.

Иллюзорный массив одурманивающих благовоний.

Этот таинственный массив, рождённый в духовном море, не наносил телесных увечий — он бил прямо по разуму, а создавали его для преодоления внутренних демонов. Сознание угодившего в ловушку оказывалось в особом пространстве, где кружились осколки его собственных воспоминаний.

Но вот ведь невзгода: активировать массив можно было лишь с помощью особых благовоний, что находились в руках у Ялин. Когда же она успела пустить их в ход?

Впрочем, проливать слёзы над пролитым молоком не было времени. Встряхнув широкими рукавами, Цинюнь решительно направился туда, где марево сгущалось сильнее всего. Первостепенная задача — отыскать Е Цинхэ и найти способ развеять иллюзию.

Удача неожиданно улыбнулась ему: побродив совсем немного, он различил сквозь пелену спину юноши в даосском одеянии.

Завидев знакомый силуэт, Цинюнь, не раздумывая, со всей силы хлопнул юношу по плечу и радостно воскликнул:

— Е Цинхэ!

Тот обернулся и обомлел: перед ним стоял Старший брат, и взгляд его сиял искренней, ничем не прикрытой радостью. Е Цинхэ от подобной откровенности чужих чувств даже опешил.

— Кхм-кхм! — Осознав, что от избытка чувств утратил сдержанность, Цинюнь убрал руку, кашлянул и поспешно перевёл тему: — Ты тут один?

Он попытался напустить на себя невозмутимый вид, изо всех сил силясь сохранить подобающее величавое достоинство — будто секундой ранее ничего не произошло.

«Я — Цзинмин-цзюнь. Я холоден, неприступен и чужд пустых эмоций».

— Не знаю, — ответил Е Цинхэ. Подмечая, как старательно Старший брат хмурит брови и делает серьёзную мину, он чуть прищурился. — Только что пировал, а стоило зажмуриться — и очутился здесь.

Потом непринуждённо добавил:

— Вы, Старший брат, Младшую сестру Линьсюань тоже не встречали?

Бай Цинюнь отрицательно качнул головой. Они переглянулись, и обоим стало не по себе.

Неужто Линьсюань миновала эта участь?

— Скверное место, — нахмурился Е Цинхэ. — И совершенно неясно, где мы.

— Если не ошибаюсь, это иллюзорный массив одурманивающих благовоний, — принялся объяснять Цинюнь. — Барышня Ялин — искусница демонических благовоний, её чары завязаны на ароматах. А всякий, кто угодит в этот массив, сталкивается с тем, о чём предпочитал бы вовсе не вспоминать.

Оглядевшись, он с досадой подытожил:

— Судя по всему, дурман вдохнули лишь мы вдвоём. Потому Линьсюань и нет рядом — здесь только наши душевные сущности.

Дело дрянь. Будь с ними Линьсюань, её целительские познания и давняя связь помогли бы найти брешь в иллюзии. А теперь что? Уповать на нерушимые узы братской любви между ним и Е Цинхэ?

Да откуда им взяться, узам этим!

Цинюнь смущённо кашлянул:

— Как бы то ни было, стоит идти вперёд. Это место явно приготовило для нас нечто особенное.

Будто в ответ на их мысли, густая пелена впереди расступилась, открывая узкую, едва приметную тропку, по которой можно было идти лишь друг за другом.

Переглянувшись, они двинулись в путь. Вскоре издалека донёсся едва слышный плеск воды. Сделав ещё несколько шагов, путники вышли к берегу широкой, полноводной реки.

Глядя на знакомые изгибы русла, Е Цинхэ едва заметно нахмурился. Он приоткрыл рот, желая что-то сказать, но так и не вымолвил ни слова. Цинюнь всё понял без лишних объяснений: разумеется, спустя пару мгновений у самой воды показался мальчонка в оборванной одежде, с косматыми, давно не мытыми волосами.

Ребёнок сидел, низко опустив голову, так что лица было не разглядеть, однако Цинюнь сразу догадался: перед ними главный герой в детские годы.

Глядя на бедного мальчишку, Бай Цинюнь хотел было заговорить, но слова застряли в горле. Е Цинхэ же, напротив, сохранял полное хладнокровие.

— Подойдём, — произнёс он ровным голосом.

Он устремился вперёд, и Цинюнь поспешил следом. Стоило им приблизиться, как видение изменилось. Река и оборвыш остались на месте, но откуда ни возмись выскочила ватага наглых, шумных мальчишек, кольцом окруживших маленького Е Цинхэ.

Все они были одеты в чистые, добротные одежды, с пухлыми розовыми щёками — сразу видно, барчуки, не знавшие ни голода, ни нужды. На фоне заморыша в центре они казались сытыми хозяевами жизни. Зажав мальчонку в кольцо, они глумливо хлопали в ладоши, визгливо затягивали дразнилки и, кружась в хороводе, швыряли в него камни.

Бедный маленький Е Цинхэ метался из стороны в сторону, словно загнанный зверёк, но вырваться из капкана не мог. Вскоре силы окончательно оставили его. Свернувшись калачиком на голой земле и отчаянно прижав руки к голове, он лишь сносил град ударов. Острые грани камней рассекали кожу, и по телу струилась алая кровь.

— Бей попрошайку! Бей оборванца! Ни отца, ни матери, нищий безроден!

Жуткая дразнилка звенела со всех сторон; злые детские голоса заставляли мурашки бегать по коже, а свист летящих камней и сдавленный глухой стон мальчика резали слух в висящей кругом тишине.

Бай Цинюнь потирал зябко поросшие мурашками руки. На пришельцев никто не обращал внимания — ни избиваемый заморыш, ни его мучители.

Для них гости были лишь призраками. И неудивительно: всё происходящее являлось лишь слепком из памяти Е Цинхэ, давно погребённым прошлым.

Цинюнь повернулся к спутнику. Лицо Е Цинхэ оставалось совершенно бесстрастным: ни один мускул не дрогнул, ни единое слово не сорвалось с губ. Он просто молча созерцал собственное унижение.

Но чем бесстрастнее он выглядел, тем сильнее сжималось сердце Цинюня. А крошечная тёмная родинка возле глаза юноши сейчас казалась застывшей слезой.

При виде этого зрелища душу Цинюня захлестнула невольная жалость. Знать из книг о перенесённых лишениях и видеть их собственными глазами — вещи совершенно разные.

— Очень было больно? — тихо, едва сдерживая сочувствие, спросил Цинюнь.

Е Цинхэ, чуть поведя ухом, повернул голову и встретил устремлённый на него взгляд Старшего брата. В этих глазах читалась искренняя, нескрываемая тревога.

Тревога? С каких это пор хоть кто-то беспокоится о его боли? За всю свою жизнь Е Цинхэ ни разу не видел, чтобы на него смотрели с подобным состраданием.

— Всё это в прошлом, — медленно проговаривая каждое слово, ответил Е Цинхэ. — Настоящее — это секта Тяньи. И этого достаточно.

Он пристально всматривался в лицо Цинюня. Какая разница, что пришлось пережить раньше, если сейчас у него есть секта Тяньи?

Нынешняя секта Тяньи была ему отнюдь не противна.

Бай Цинюню стало тоскливо. Тоже мне, «хорошее место»! Беспутный глава, бросивший всё ради странствий, спесивые старшие братья, норовящие уколоть побольно, да равнодушные старейшины... Для Е Цинхэ секта Тяньи пока что тоже мало походила на райский уголок.

Впрочем, если пораскинуть мозгами, парень с малых лет не видал ничего доброго. Куда бы ни занесла судьба, повсюду встречались лишь законченные мерзавцы — настоящая приманка для всякого рода негодяев!

На таком фоне даже секта Тяньи выглядела обителью благоденствия. От этой мысли Е Цинхэ показался Цинюню ещё более несчастным.

Какой уж тут грозный владыка из пророчеств! Не властелин, а трепетный, беспомощный цветок, вынужденный день за днём сносить удары судьбы.

Бай Цинюнь решительно и чеканно выдохнул:

— Не тревожься, Младший брат! Пока я рядом, никто больше не осмелится тебя обидеть!

Как-никак они братья по оружию, и ему следовало исполнить долг Старшего.

Однако Е Цинхэ лишь выдержал паузу и с некоторой натянутостью произнёс:

— Вы правы, Старший брат.

Погодите-ка... Что за странная интонация?

Цинюнь помрачнел:

— Ты сомневаешься в моих силах?

— Вовсе нет, — с наигранной уступчивостью отозвался Е Цинхэ. — Вы слишком мнительны, Старший брат.

«Ну да, так я и поверил! Точно считает меня никудышным!»

— Вообще-то я — Цзинмин-цзюнь! — с досадой возразил Цинюнь. — И среди ровесников моё имя гремит на весь поднебесный мир!

Он ведь и вправду был чертовски силён!

Е Цинхэ слегка склонил голову набок:

— А если настанет день, когда я навлеку на себя гнев кого-то из великих бессмертных предков?

— Ха-ха... Подумаешь, какие-то бессмертные патриархи! Не забивай себе голову, Младший брат, — смущённо кашлянул Бай Цинюнь. — Я свято верю, что ты непременно превзойдёшь любую опасность, вырвешься из верной гибели и поразишь всех врагов одним ударом!

— Понятно, — безучастно ровным тоном уронил Е Цинхэ.

Бай Цинюнь невольно потёр кончик носа. Ладно бы пустые гипотезы, но ведь главный герой в будущем реально наживёт себе врагов среди верховных владык! Пообещай он заступничество сейчас — и что делать, когда Е Цинхэ прибьётся к нему за помощью? Цинюнь, хоть и был крепким мужчиной, против тех монстров смотрелся бы жалкой козявкой — им даже на один зубок не хватит!

Потому он лишь снова кашлянул, уводя разговор в сторону:

— Всё это пустые бредни. Пойдём лучше отсюда.

С этими словами он схватил Е Цинхэ за рукав и припустил вперёд так быстро, будто за ними гналась стая голодных демонов.

Е Цинхэ опустил взгляд на кисть, сжимавшую его одеяние. Рука Старшего брата была бесспорно хороша: длинные, изящные пальцы с чётко обрисованными суставами, но без женственной мягкости. И сухие мозоли на подушечках, и чуть подогнутый мизинец — всё дышало скрытой, сдержанной силой.

Затем он скользнул взглядом по собственной ладони. Крупная кость и высокий рост вроде бы обещали мощь, однако рядом с рукой Цинюня его ладонь выглядела излишне аккуратной. Е Цинхэ поджал губы.

Оба молча шагали прочь, погружённые каждый в свои мысли. И ни один из них не заметил, как за их спинами замерла жуткая сцена: едва они повернулись, мальчишки и избиваемый ребёнок мгновенно застыли. Заморыш так и остался съёжившимся на земле, а обидчики — с занесёнными для удара камнями, превратившись в немые изваяния.

Внезапное веяние ветра коснулось камня и плоти — и фигурки тут же рассеялись белёсым паром. Густая дымка принялась стремительно впитывать окружающий туман, сгущаясь в поднебесье и обретая плотные, осязаемые формы.

Уставившись вслед удаляющимся путничкам, неведомое существо издало пронзительный, клекочущий клич и, расправив крылья, взмыло в вышину.

С небес дождём посыпались перья величиной с человеческую ладонь. Едва касаясь белёсой пелены, они со взрывом вспыхивали, гудящим пламенем пожирая туман. Прошло лишь несколько мгновений, и непроглядный морок обратился в бурлящее море огня.

В ревушем пламени всё чётче вырисовывался парящий силуэт огромной птицы. И когда последний клоч дурманящего морока сгорел дотла, древнее творение явило миру свой истинный, величественный облик.